

Юрий Колкер

«...В МОИХ СОЧИНЕНИЯХ...»

(стилистическое завещание)

У меня накопилось много разногласий с теперешними московскими нормами по части языка и словоупотребления, и мне надоело слушать возражения читателей вроде: «А вот здесь вы пишете не так, как принято!» Все мои разногласия выношены. Они возникли не на пустом месте. В их основе лежит убеждение, что язык не дело академических чиновников на жалованьи (*sic!*), а дело тех, кто за слово платит кровью. У писателя есть неотъемлемое право на переосмысление бытующей языковой нормы. Это право нарушено по отношению к лучшим. Русские классики XIX века изуродованы в советской орфографии двадцатых годов XX века. Вместе с ятью и фитой, не говоря уже о других вмешательствах, ушла и важная часть смысла их сочинений, потому что смысл литературного сочинения нерасторжимо связан с его формой.

Перечисляю некоторые из моих орфографических и стилистических причуд, которыми не могу поступиться. Многие из них вовсе и не причуды, они были и *остаются* нормой, но напрочь забыты сегодняшней полуграмотной толпой.

Пишу для себя и близких, в полном сознании моей беспомощности перед посмертным издателем, если таковой найдётся (уж не говорю: перед грядущим хамом, который уже здесь). Пишу, маленький человек, о маленькой чепухе; занимаюсь закорючками, вместо того, чтоб решать мировые проблемы. Не повторяю за классиком: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Политика мне неинтересна, а вот эта маленькая чепуха каким-то образом соотнесена с моею душой.

Чужим, несогласным, недоброжелателям — вручаю топор: напоминаю эпиграмму Боратынского «Увы! Творец не первых сил!», то есть подсказываю, как лучше посмеяться надо мною. Я, уж это точно, скорее «рыбарь», чем «царь» из этой эпиграммы, да и «творцом» себя никогда не называл. Я всего лишь *своим* не могу поступиться. Да-да, по Лютеру: *на этом стою и не могу иначе*. Там ведь тоже о чепухе речь шла.

Я экономлю силы читателя и пытаюсь быть лаконичным. Всюду, где слышатся у меня повелительные нотки, подразумевается оговорка: «В моих сочинениях...». В *своих* сочинениях — пишите, как *вам* совесть велит.

Вот основной список:

— Имена собственные, будь то имена людей, произведений, мест или коллективов, не заключаются в кавычки. Кавычки вокруг имени — газетная скоропись, преимущественно советская. Правильное выделение назва-

ния — курсив. Когда речь идёт о названиях явлений (таких, как Библия, Божественная комедия или Мона Лиза), не нужен и курсив. General Motors и Электросталь — имена собственные, притом уникальные; выделение их кавычками оправдано не более, чем выделение кавычками вашей фамилии, вашего имени собственного или названия улицы, на которой вы живёте. В конструкции *слово «идиот»* вторая часть конструкции не нуждается в кавычках, ибо определена первой. *У кавычек есть только одно безусловно корректное назначение: выделение текстуально заимствованных слов (цитат)*. Не к месту поставленные кавычки унижают внимательного читателя. Обилие кавычек обычно свидетельствует о душевной лени автора. Текст, в котором много кавычек, как правило, неудобочитаем и в литературном отношении плох.

— Если предложение или группа предложений начата в кавычках и заканчивается в кавычках, закрывающая пара кавычек ставится справа от любого знака препинания, не исключая точки. Таково требование формальной логики.

— Если предложение или группа предложений начата в скобках и заканчивается в скобках, закрывающая скобка ставится справа от любого знака препинания, не исключая точки. Таково требование формальной логики.

— Кавычек и скобок в любом тексте может быть только четное число. Каждой открывающей паре кавычек (скобке) отвечает закрывающая пара кавычек (скобка). Таково требование формальной логики. Чтобы избежать графической тавтологии, внутренние кавычки своим начертанием отличаются от внешних.

— Аббревиатура никогда не заключается в кавычки.

— Если аббревиатура составлена только из первых букв составного имени, все эти буквы — прописные (большие). Я не пишу «Мк» или Мк вместо *Московский комсомолец*; я пишу: МК. В моём тексте невозможно написание *Би-би-си*, а возможно только такое: *Би-Би-Си*.

— Местоимение второго лица множественного числа (вы) *всегда* пишется с маленькой буквы. Единственное допустимое исключение — письмо, обращенное к одному поименованному лицу. Это *эпистолярная вежливость*, формальная учтивость, такая же, как *Милостивый государь* или *Ваш покорный слуга*. Исключение в письме именно допустимо, но ничуть не обязательно; русские классики не всегда ему следовали.

— Существительные на *-ье* изменяются в предложном падеже *по общему правилу* (заканчиваются на *и*), а не сохраняют форму именительного падежа, иначе мы не всюду можем однозначно истолковать мысль автора. Вот пример:

В этом ласковом сияньи,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный приём.

Замените в первом стихе *сияньи* на *сиянье* — и смысл стихов сменится бессмыслицей.

— Слово *родина* пишется со строчной буквы. Написание этого слова с прописной буквы — советская ура-патриотическая пошлость, апофеоз советского мещанства.

— Слова *интернет* пишется со строчной буквы (иначе ведь не то что слово *телевиденье*, но и слово *канализация* придётся с прописной писать).

— Слово *вселенная* пишется со строчной буквы. В грамматическом отношении вселенная не больше атома (и ниоткуда не следует, что она одна).

— Никакие титулы и звания, односложные и составные, не содержат прописных букв, если не содержат имён собственных. Нельзя написать *Далай-лама*, *Президент*, *Папа Римский* или *Герой Социалистического Труда*. Пишется: *далай-лама*, *президент*, *папа римский*, *герой социалистического труда*.

— Названия штучных товаров идут со строчной буквы и без кавычек: (автомобиль) *мерседес*, (автомобиль) *волга*, (лекарство) *валокордин*.

— Пишется не *кофе*, а *кофий* (читатель помнит: «В моих сочинениях...»); но и в сочинениях Пушкина — тоже).

— Пишется не Оруэлл, а Орвелл, не Хемингуэй, а Хемингвей, не Нью-мэн, а Ньюман, не Эктон, но Актон, не Уильям, а Вильям (иначе я совершаю насилие и над английским, и над русским языком).

— Пишется *Евтерпа*, не *Эвтерпа*, *Евредика*, не *Эвредика* (я ведь не напишу *Эвропа*, *Эвгений*).

— Пишется *оксиморон*, не *оксюморон* (иначе я совершаю насилие над греческим языком).

— Пишется *чорт*, а не *черт* (иначе мне не страшно).

— Глагол *шокировать* идёт у меня в русском словарном значении: *ставить в неловкое положение* — и не имеет ничего общего с английским *to shock*.

— Конструкцию *Бармалеева улица* нельзя заменить конструкцией *улица Бармалеева* (я ведь помню, что названа она в честь Бармалея, *Barmley*, а не в честь неведомого Бармалеева). Нет улицы Петровки: есть Петровка. Нет проспекта Литейного: есть Литейный проспект.

— Слово *наверное* означает у меня (и у Пушкина) не *вероятно*, а *вне всяких сомнений*. Запятыми оно не выделяется.

— Слово *властный* означает *склонный повелевать*. Словосочетание *властные структуры* бессмыслица (и рабская калька с английского).

— Слова *идиш* и *Бангладеш* — существительные мужского рода и склоняются по общим правилам таковых, совершенно так же, как слово *шалаш* или *кукиш*. Сочетания *говорить на идиш*, *вылететь из Бангладеш* лишены смысла. Правильно: *говорить на идише*, *вылететь из Бангладеша*.

— Русские и славянские географические имена — Пулково, Комарово, Косово — суть существительные среднего рода и склоняются по общему для таковых правилу: *лечу из Пулкова*, *нахожусь в Косове*.

— Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин* пишутся со строчной буквы: *петров урыльник*, не *Петров урыльник*, *ирина сковорода*, не *Ирина сковорода*. Нужно ли пояснять, что иначе выходит неразбериха?

— В составном названии учреждения или организации с прописной буквы идёт только первое слово, например: *Зоологический научно-исследовательский каземат*. В составных названиях, содержащих имя собственное, с прописной буквы пишется только именная часть, например, *университет имени Малюты Скуратова*.

— Пишется *на Украине*, не *в Украине* (у себя в стране украинцы вольны создать свой русский язык, но мне они не указ — и как раз потому, что я уважаю их независимость, их отдельность). Не велят же мне писать *в Руси* вместо *на Руси*.

— Пишется *в Сицилии*, не *на Сицилии*.

— Пишется *полячка*, не *полька* (читатель помнит: «В моих сочинениях...»), но и у Пушкина тоже).

— Слова *оказывается* (*оказалось*), *случается*, *естественно* могут не быть вводными словами и в этом случае не выделяются запятыми, например: *Мы подъезжаем к мосту, а он оказывается разведённым*; *Человек естественно развился из обезьяны*. Бездумно поставленные запятые вокруг таких слов обнаруживают полное непонимание родного языка.

— Знаки препинания в моих сочинениях расставлены мною, другая их расстановка будет искажением моей мысли. Составные слова типа *научно-исследовательский* соединяет у меня дефис (без пробелов вокруг него), а не тире (с пробелами вокруг него). Двоеточие *как правило* заменяет в предложении союз *именно* (предшествует перечислению или уточнению). Тире *как правило* заменяет в предложении сказуемое *есть* (*суть*) или союз *поэтому* (*отсюда*, *следовательно*). Тире может выполнять функцию открывающей скобки или открывающей запятой при обязательном наличии закрывающего тире. Фраза *Пилат — прокуратор Иудеи сел на коня* в моих сочинениях невозможна. Правильно: *Пилат — прокуратор Иудеи — сел на коня*; или: *Пилат, прокуратор Иудеи, сел на коня*.

— Из двух равноправных форм — *апокалипсический* и *апокалиптиче-ский* — в моих сочинениях всегда идёт вторая.

— Мои стихи издавались не сборниками, а книгами: циклами с уста-новленным порядком стихотворений. Так они и должны воспроизводиться. Из двух версий одного и того же стихотворения в основной текст всегда должна попадать последняя версия.

* * *

На этом завещательная часть заканчивается. Суть сказанного можно свести к одной фразе: не искажайте моих текстов, если уж вам взбрело в голову их воспроизводить. Лучше воспроизведите мою опечатку или даже орфографическую ошибку (их не бывало только у Иннокентия Анненско-го, да и то по должности)... Пишу — и знаю: надругательство над писа-тельской волей неизбежно. И не запятые покойникам правят, а прямо ма-родёрствуют: выставляют ранние варианты вместо поздних, приписывают ненаписанное, чужое, чуждое. Среди жертв — не только Ходасевич и Бо-ратынский (чьё фамилию перевирали годами), не только Заболоцкий (его прямое завещание наследники втаптывают в грязь открыто, и никто не возражает), а уже и Пушкин с Некрасовым. Что ж я о себе-то так пекусь? Кто я рядом с ними? Не смешно ли?

Я — не более чем я, уж это точно. Но я и не менее чем я. Современный язык москвитов я отвергаю доказательно; отвергаю, опираясь на тради-цию, которая умнее самых умных; отвергаю настолько, что отказываюсь признать его русским. Вот несколько примеров тамошней языковой низо-сти:

— Глагол *озвучить* в его новом употреблении отсылает в сортир. Чело-век издаёт звуки только гортанью и задним проходом. Нормальный чело-век свои мысли *оглашает*, не *озвучивает*.

— Сочетание *успешный человек* — уродливая калька с английского. Чтобы увидеть нелепость этого сочетания, замените *удачливый человек* на *удачный человек* и попытайтесь убедить себя и других, что это одно и то же. Успех (удача) по-русски есть нечто одноразовое. Поход может быть успешным (удачным), человек бывает преуспевающим или успешливым.

— Человек может уйти в море, но не может уйти *во власть*. Пишется и говорится: *прийти к власти, находиться у власти*.

— Смысловое ударение в русской фразе противоположно таковому в английской фразе. Порядок определения и определяемого слова тоже об-ратный. Конструкция *Alpha Bank* переводится как *банк Альфа*, не как *Аль-фа Банк*, что просто не по-русски. Теперешняя московская фраза — инто-национно американская. Иногда дословная калька с английского меняет

смысл высказывания на противоположный. Лучший пример: *Патриотизм* — *последнее прибежище негодяя*. Самюэл Джонсон (да-да, не Сэмюэл) во все не приравнивает патриота к негодяю. Он говорит совсем другое: *Последнее прибежище негодяя* — *патриотизм*. У негодяя много прибежищ, патриотизм — последнее из них.

— Слово *человек* и слово *мужчина* в русском языке остаются синонимами, но второе из них идёт только в контексте противопоставления мужчины женщине. Никакая политическая корректность не оправдывает калькированную с английского фразу *Мужчина упал в реку*. По-русски будет: *Человек упал в реку*.

— Название *стихотворения* Колриджа *Kubla Khan* переводится на русский как *Хан Хубилай*.

...Всё это — только вершина айсберга. Пусть резвятся! Но — без меня.

Знаю, что язык не может не меняться, но отказываюсь признать неизбежные изменения — *развитием*, уж не говорю: эволюцией. Это и философы нам скажут (например, Хейзинга), хоть и без них ясно: понятие развития неприменимо к некоторым аспектам истории культуры. Можно говорить о развитии парламентаризма или гигиены, нельзя говорить о развитии поэзии.

Знаю, что дело моё безвыигрышное, что меня затопчут. Но ведь и жизнь — дело безвыигрышное, а всё-таки человек борется за неё до конца.